

Несколько минут опираясь на тёплое тело позади себя, Ци Гу пришёл в себя, снова выпрямился и неторопливо подошёл к одному из стеклянных коробов.

Внутри лежала самая обычная тетрадь в бежевую линейку — такие выдают в школах.

В строке «предмет» было написано «Дневник», а в графе имени — Хуа Юнь.

Когда Ци Гу на лестнице отогнал длинного, почти искривлённого в ленту злого духа, он успел примерно разглядеть его лицо. Теперь оно полностью совпало с фотографией Хуа Юнь на удостоверении личности.

Ци Гу достал из стеклянной витрины дешёвую тетрадь и открыл её.

Почерк в дневнике был аккуратным и мелким, буквы теснились друг к другу. Непонятно, делала ли девочка так специально, чтобы экономить страницы.

15 января. Дождь.

Одноклассники купили дневники. У них даже красивые маленькие замочки с ключами. Я такой купить не могу, поэтому буду записывать дневник в школьной тетради, которую не успела исписать. Всё равно ведь одно и то же.

16 января. Ясно.

Они говорят, что я ребёнок без папы и мамы, которого никто не любит. Неправда! У меня есть бабушка. Она любит меня сильнее, чем все их папы и мамы вместе взятые!

У нас в деревне яйца дают только мальчикам, но бабушка каждый раз, когда варит яйца, отдаёт их мне.

Я буду хорошо учиться, стану успешнее всех остальных деревенских детей, и тогда те, кто говорит гадости про меня и бабушку, будут нам завидовать!

.....

24 мая. Пасмурно.

Врач сказал, что у бабушки уремия. Если делать диализ, на лечение каждый месяц понадобится минимум семь-восемь тысяч юаней. Бабушка сказала, что на диализ ходить не будет, будет только пить лекарства — тогда достаточно тысячи в месяц.

Я знаю: она хочет оставить деньги мне на учёбу.

Но если не будет бабушки, какая мне польза от успеха, даже если я правда многого добьюсь?

10 июля. Дождь.

Бабушка не разрешает мне бросить школу. Значит, надо сделать так, чтобы школа сама меня исключила.

Я мешала на уроках, не слушала учителей — меня не исключили.

Специально прогуливала — тоже не исключили.

.....

Потом я украла телефон у завуча и специально показала лицо камере наблюдения.

Меня наконец исключили. Как хорошо!

12 июля. Ясно.

Нашла работу. Работать надо довольно далеко, в посёлке Хэхуа. Начальник очень хороший, сказал, что оплатит дорогу туда и обратно. Рабочий день двенадцать часов, зарплата шесть тысяч в месяц. Если ещё взять подработку, денег на диализ хватит!

15 июля. Дождь.

Подработку тоже уже нашла. Сейчас еду в автобусе в Хэхуа. Ещё раз посчитаю деньги.

Ожидаемый доход за месяц: 6000 + 2000 (подработка).

Расходы: диализ бабушки — 7200, мои расходы на жизнь — 300, вода, электричество и телефон — 100, два комплекта новой одежды бабушке — 200...

Ещё остаётся двести. Куплю бабушке серебряный браслет.

Она никогда об этом не говорила, но каждый раз завистливо смотрит на других бабушек, у которых есть золотые и серебряные браслеты.

Наверное, это ещё связано с обычаями в наших краях. Все говорят, что если женщину похоронить без серебряного браслета при теле, она и после смерти не найдёт покоя.

Вообще-то всё это феодальные суеверия. Но бабушка верит, значит, я обязательно ей куплю!

.....

В последней записи Хуа Юнь всё ещё с надеждой смотрела на будущее своё и бабушки. Она была счастлива от одной мысли, что сможет оплачивать лечение.

Но всё оборвалось внезапно — так же, как жизнь девочки, которая увяла, ещё не успев расцвести.

Ци Гу и зрители прекрасно понимали, что случилось потом.

□Господи, ну почему так... Сестрёнка Хуа Юнь слишком несчастная, у-у-у□

□Если бабушка узнает, что сестрёнки больше нет, как же ей будет больно!□

□Она даже красивую тетрадь себе пожалела купить, на жизнь оставила всего триста юаней в месяц... Почему судьба так жестока с ней?□

□Глаза писают□

□А? Программа, пожалуйста, быстрее скажите, что это сценарий. Я сейчас перед экраном от слёз потеряю сознание□

□Есть контакты бабушки? Я могу оплачивать часть диализа□

□Сестрёнка глупенькая. Если есть медицинская страховка, диализ частично возмещают, после компенсации выходит намного дешевле!□

□По-твоему, у семьи с такими условиями очень похоже, что была нормальная страховка?□

.....

— Хуа Юнь, выходи, — сказал Ци Гу в сторону чёрного коридора за дверью, который уже поглотил множество живых человеческих жизней.

Снаружи всплыл длинный, почти двухметровый, искривлённый дух. Именно тот, который

раньше на лестнице прилип к спине Ша Чуаня.

Увидев её искажённый облик, Ша Чуань вздрогнул и тут же спрятался за остальных.

Другие тоже испугались, но старались сохранить спокойные лица, чтобы не ранить девочку ещё сильнее.

— Кхе-кхе-кхе... — зрачки Хуа Юнь были алыми, лицо страшным, а из горла выходил хриплый звук.

При жизни она явно пережила тяжёлые мучения. Иначе её духовное тело не исказилось бы настолько сильно.

— Хуа Юнь... Хуа Юнь... — повторяла она собственное имя, словно уже не до конца понимала, кто такая, а лишь чувствовала, что эти слова очень знакомы.

День за днём её разум разъедала густая зловещая энергия медпункта. Многое она уже не помнила.

Поэтому и поступки Хуа Юнь были противоречивыми.

Она не хотела, чтобы гости программы, как когда-то тот даос, по ошибке зашли слишком глубоко в медпункт, попались на глаза Дяо Хуацину, который как раз следит за камерами, и были бессмысленно убиты.

Поэтому всё время пугала их и пыталась не позволить добраться до глубины здания — до этой комнаты с камерой наблюдения.

Но одновременно не могла удержаться и заменила пазл режиссёрской группы изображением убийцы, а потом каплями крови направила гостей в шестую комнату.

Она хотела, чтобы кто-нибудь обнаружил их, этих жалких несчастных, вынес их тела из грязного ада и вернул родным.

— Даос... тётя Ли... тётя Ван... — Хуа Юнь один за другим произносила обращения, переводя взгляд на фотографии на удостоверениях в последнем ряду стеллажа.

Никто не знал, что в кровавом, страшном медпункте посёлка Хэхуа когда-то вместе жила целая группа инь-группов.

Все они были несчастными людьми, которых Дяо Хуацин разными способами заманил сюда и

убил. Исключением был только даос.

Он был молодым даосом, недавно спустившимся с гор для странствий и практики. Случайно почувствовав здесь очень густую иньскую ци, решил войти и проверить, что происходит. Но Дяо Хуацин, который через камеры следил за своей «коллекцией», обнаружил его и убил.

Молодой даос умел множество приёмов, связанных с духами и нечистью, но боевые искусства изучал кое-как. Во время сопротивления он всё равно погиб от руки безжалостного Дяо Хуацина.

После смерти тела жертв не разлагались и стали инь-трусами. Они не могли покинуть здание медпункта и не могли навредить Дяо Хуацину: после множества убийств его убийственная зловещая энергия уже практически обрела материальную форму.

Каждый день они собирались по углам и вместе придумывали, как передать наружу сообщение о том, что Дяо Хуацин скрывается здесь.

Но Дяо Хуацин был слишком хитёр. Он сам распустил снаружи слухи, будто в медпункте водятся призраки, чтобы все боялись даже приближаться к этому месту. Тогда он мог без помех убивать людей и прятать тела.

Предпоследним погиб даос.

Последней — Хуа Юнь.

Когда остальные инь-трупы увидели, как только что обманом привели совсем юную Хуа Юнь, они едва не сошли с ума от тревоги. Каждый использовал всё, что умел, пытаясь напугать девочку и выгнать её из медпункта до того, как Дяо Хуацин успеет напасть.

Кто же мог знать, что девочка окажется настолько упрямой: по ночам от страха плакала под одеялом, но всё равно не уходила.

А потом Хуа Юнь стала самым молодым инь-трупом здесь после даоса.

Старшие инь-трупы ругали её за то, что тогда не убежала, но одновременно жалели ребёнка, умершего в таком возрасте, и всячески о ней заботились.

Однако постепенно обида и зловещая энергия на их телах становились всё сильнее. Те старые инь-трупы, которые погибли раньше всех, начали терять разум, перестали отличать своих от чужих и в тяжёлые моменты даже нападали на остальных.

Даос сказал, что причина в слишком долгом заточении. К тому же фэншуй медпункта сам по

себе собирал зловещую энергию. Если позволить старым инь-трупам дальше оставаться такими, скоро они окончательно потеряют разум и навсегда лишатся возможности переродиться.

Конечно, никто не хотел такого конца.

Тогда даос предложил способ: отделять тело от души тех инь-трупов, которые вот-вот потеряют контроль, и запечатывать их души.

Так можно было хотя бы сохранить часть разума. Если повезёт и однажды кто-то с достаточными способностями обнаружит происходящее здесь, он сможет найти талисманы, в которых запечатаны души, и отправить их в следующий путь.

Со временем инь-трупов в медпункте становилось всё меньше.

В конце концов остались только Хуа Юнь и даос.

А потом ушёл и даос. Хуа Юнь осталась одна и продолжала держаться.

.....

— Прошу... спаси их... — Хуа Юнь обеими руками поднесла Ци Гу стопку ярко-жёлтых духовных талисманов, сложенных треугольниками и покрытых киноварными знаками.

От талисманов исходил свет громового огня, обжигая её ладони. Эта боль воздействовала прямо на душу. Обычный злой дух, едва коснувшись такого, закричал бы и бросился бежать.

Но Хуа Юнь держала стопку так крепко, что руки даже не дрогнули.

В её взгляде была отчаянная просьба, а из алых глаз стекали кровавые слёзы.

<http://bllate.org/book/19046/1908192>